

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-2

Страноведение: сборная без тренера? Проблемы состава, методологии и развития

Андрей Ильич ТРЕЙВИШ

доктор географических наук, главный научный сотрудник
Институт географии РАН, 119017, Старомонетный переулок, д. 29,
Москва, Российская Федерация
E-mail: trene12@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6687-577X

ЦИТИРОВАНИЕ: Трейвиш А.И. (2021). Страноведение: сборная без тренера? Проблемы состава, методологии и развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 6. С. 26–42. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-2

Статья поступила в редакцию 13.07.2021.

АННОТАЦИЯ. В статье ставятся и обсуждаются шесть «провокационных» вопросов о страноведении с целью в очередной раз оценить его разделы, средства и, главное, проблемы. Это следующие вопросы: 1. Дисциплина без точного названия, объекта и состава? 2. Наука или не только? 3. Наука без теории? 4. Вопрос о главном объекте: страна или государство? 5. Характер эволюции: вырождение или возрождение? 6. О сферах применения: кому и зачем это надо? Ответы неоднозначны и открыты для критики. Вывод из обзора проблем страноведения сводится к тому, что они многочисленны и серьезны. Это действительно междисциплинарная сборная с составом «от геологии до идеологии», где нет главного тренера, владельца и даже международно признанного имени, с целями, зависящими от типа (жанра) работы: научной, информационной, рекламной-презентационной или образовательной. Страноведению как науке не хватает четкого понимания своего объекта и собственной

теории, не считая упрощенных редукций, а также уверенности, что выливается в частые галсы и смену вывесок. В то же время ее роль не в качестве «идиографа» и коллектора любых сведений о стране, а как лаборатории для поиска и проверки новых трендов развития поныне велика. Спрос на страноведа в форме не всегда явного социального заказа разнообразен и довольно стабилен. Диагноз гласит: пациент скорее жив, чем мертв, и вряд ли умрет в ближайшее время.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: страноведение, регионоведение, проблемы, теории, методология, типология, тренды развития, практическое значение.

Введение

Страноведение – область знаний с долгой историей, не то чтобы очень драматичной, но нелинейной и не совсем обычной. При обилии традиций и значимости в образовании ей недо-

стает понимания своего места в науке, общей теории, организации и многого другого.

В июне 2021 г. российская библиотека e-library на запрос названий со словами *страноведение*, *страноведческий* выдала 44 тыс. публикаций из 37 млн – 0,1% (для сравнения: *географии* там 3%, *экологии* – 6%, *истории* – 13%, *экономики* – 21%). Чаще всего на темы страноведения пишут преподаватели языков (до 4/5 наиболее «научных» статей) и основ туризма. В списке есть описания стран, регионов, городов, природных территорий краеведческого, рекламного или справочного характера. Много учебников, а вот глубоких исследований мало.

В целом вопреки убежденности ряда коллег в том, что страноведение – часть географии, лингвострановедов и «туристологов» в потоке публикаций больше, а культурологов, политологов, правоведов не меньше, чем географов¹. Так бывает у междисциплинарных направлений, где нет одного «хозяина». Отсюда постановка вопроса о страноведении как сборной команде с игроками из разных клубов без тренера (главного спонсора). Если все же не считать играющим тренером географию. Автор статьи обязан ей образованием, родом занятий и, конечно, ей предан. Но истина дороже.

Статья посвящена отнюдь не только институциональной структуре страноведения. Она ставит задачи уточнения его объекта, границ и соседей, видового (жанрового) состава, методологии, направлений развития, задач и функций. Ставит в очередной раз без особой надежды на решения. Но сама проблематизация полезна на фоне благостных постулатов, которыми изобилуют

многие пособия, книги и статьи. Впрочем, попадаются иные, по тональности близкие к похоронному маршу.

Провоцирование дискуссии служит основной целью статьи. «Игре на обострение» соответствуют названия рубрик в виде вопросов с ответами, не претендующими на полную ясность. Вопросы переплетаются, поэтому их порядок отчасти произволен. В центре внимания находится отечественный дискурс не без учета мирового и зарубежного.

Дисциплина без точного названия, объекта и состава?

На первый взгляд вопрос нелепый. Ведь ясно же: ведение (изучение, знание, понимание) страны или стран. Но такое название принято в России, у ее ближайших соседей и в Германии – *Landeskunde*. Что касается *country studies* по-английски и их испанского аналога, то это буквальные переводы нашего термина, а на месте в ходу «региональные исследования» и шире – территориальные (*area studies*). Во Франции бытуют «заграничные этюды» и совсем непривычное «гражданское просвещение» (*instruction civique*). Да и по-немецки *Land* – и страна, и регион: область, край, земля. В славянских языках страна тоже зовется землей, краем. Налицо клубок смыслов первого корня слова «страноведение», обозначающего объект ведения, страну.

Это понятие используется в самом широком смысле с исторической, этнической, социокультурной, экономической, природной коннотацией [Горкин, 2013]. Список неполный и может быть продолжен как минимум за счет политической коннотации. Тогда встает

¹ Это результаты подсчета на малой выборке. В полном списке мало смысла, так как во всех БД тематические сводки содержат случайные информационные «шумы», зависят от принятых классификаторов, полноты их кодов и ключевых слов в источниках.

вопрос об отношении страны к государству, который мы обсудим отдельно. Однако контур дисциплины и без того расплывчат в предметно-отраслевом, пространственном плане, а также в институциональном. Например, в России и Германии, где ее статус выше, имеются профильные вузовские и научные ячейки с тем или иным уклоном: лингвистическим, туристическим, экономическим и т.д.

Главный «водораздел» внутри научного знания отделяет естественные науки от общественных. Они не изолированы, взаимодействуя, например, в таком большом разделе, как науки о человеке, с биологией и медициной, психологией и педагогикой, демографией, социологией. Но традиция раздела глубока, приемы натуралиста и гуманитария порой непохожи. Между тем интегральное (комплексное) страноведение – одна из наук, от которых ждут синтеза социальной антропологии с естествознанием. Тематическую широту отражает крылатая формула Н.Н. Баранского «от геологии до идеологии». Видя в страноведении купол над географией, организационную форму объединения знаний о стране, Баранский вместе с тем писал: «Из экономико-географа получить страноведа, надо полагать, проще и легче, чем из физико-географа; однако к тому моменту, как он станет страноведом, <...> он уже в значительной мере рискует перестать быть экономико-географом» [Баранский, 1946, с. 14]. В самом деле, широкое знание страны вряд ли отменяет этнографическое, историческое, политологическое, экономическое и другие страноведения.

Не все ясно с пространственным уровнем объекта. Кроме одного: он занимает некую ограниченную территорию, что отличает страноведение, регионалистику, отчасти урбанистику, руралистику, ландшафтоведение (вне Земли – марсологию, гелиофизику и т.д.)

от «сквозных» наук, занятых тем или иным явлением, где бы оно ни наблюдалось. В географии подобное деление восходит к труду Б. Варена/Варениуса *Geographia generalis* (Амстердам, 1650, рус. пер. 1718).

Э.Б. Алаев назвал дисциплины первого рода объектными в противовес аспектным и рекомендовал заменить термин «страноведение» на «странографию» [Алаев, 1983, с. 38]. Но вот что странно: далее в его словаре среди восьми сотен понятий и терминов из области географии, экономики, социологии ни того, ни другого, ни даже «страны» нет. Может быть, Алаев не считал страноведение наукой? Такое мнение скрыто или открыто разделяет часть коллег.

Расплывчатость объекта и предмета (возникающего на стыке объекта с подходом к нему и зависящего от методологии данной области знаний) – не уникальное свойство страноведения. Нечеткие или изменчивые множества объектов изучают многие научные направления, в том числе междисциплинарные. В страноведении одна туманность усиливает другую до такой степени, что возникают вопросы: только ли это наука и наука ли вообще?

Наука или...

Наука – не единственный вид знания, а одна из форм видения мира наряду с обыденной, интуитивной, религиозно-мистической, философской, тенденциозно-казанной (идеологизированной). От сугубо научной отличается также информационная сфера, для страноведения исконно важная. Недаром она привлекает статистиков, создателей и держателей *Big Data*. Но они, как и маркетологи, журналисты, дипломаты, педагоги, работают по-своему. Еще в начале 2000-х годов мы выделили

четыре основных типа (жанра) страноведческих работ, их программных установок, задач, методов и продуктов. С тех пор они не раз воспроизводились в разных изданиях и в данном случае опять слегка скорректированы (табл. 1).

Научное страноведение требует определенной методологии: приемов, правил, обоснований, более или менее строгих понятий. Оно ставит вопросы, главный из которых – *почему*. Например, почему там что-то происходит или устроено иначе, чем тут, а в третьем месте (стране) – почти так же, как в первом? При этом различия между науками особой роли не играют: все они нацелены на поиск новых знаний, рациональных объяснений, общенаучные подходы и процедуры.

Коллектор собирает и систематизирует готовые знания, факты, цифры, раскладывая их «по полкам» для порядка и удобства пользователей. Этот тип деятельности сходен с исследовательским и даже снабжен своей наукой, информатикой. Но для исследования страны в отличие от обзора, справки важны новизна и глубина. По мысли В.В. Вольского, изучать страну надо не как сундук с вещами,

внесенными в реестр и посыпанными нафталином, а как реторту, где идут реакции, выделяется и поглощается энергия, возникают полезные или вредные вещества [Вольский, 2003, с. 10]. Между тем подмена научного страноведческого поиска компиляцией данных – один из давних соблазнов и грехов страноведения (регионоведения) первого типа.

Третий тип тоже выходит за рамки науки. Ученый апеллирует к разуму и действует с его помощью. Искусство, литература, публицистика сильны субъективными, зато эмоционально яркими суждениями обо всем, включая страны. Н.С. Мироненко признавал, что писатель порой «схватывает» их характер лучше ученого, видя картину в целом, а не по узким предметам, уделяя внимание психологии, этике, эстетике [Мироненко, 2001]. Таковы книги Б. Пильняка, В. Овчинникова (оба писали об Англии и Японии), Г. Гачева, П. Вайля, других художников слова, популярные и не менее познавательные, чем научные монографии. Сегодня у этого типа есть мощная прикладная, презентационная функция, связанная с пиаром и брендингом: привлечением в страну тури-

Таблица 1. Типы страноведения по А.И. Трейвишу и А.С. Фетисову

Table 1. Types of country studies after A.I. Treivish and A.S. Fetisov

Тип (жанр, подход)	Программа	Задачи	Методы	Продукты
Научно-исследовательский	Исследовательская	Добыча нового знания	Научный поиск, анализ и синтез данных	Открытия, обобщения, типологии
Справочно-информационный	Коллекторская	Аккумуляция и систематизация информации	Сбор, хранение и трансляция данных	Базы данных, справки, обзоры
Рекламно-публицистический	Презентационная	Впечатление, побуждение, призыв	Мастер-синтез, живописание	Образы, бренды, рекламные продукты
Образовательно-мировоззренческий	Учебно-воспитательная	Передача знаний, формирование компетенций	Основные дидактические	Учебные методики и материалы, обученные специалисты

стов, бизнеса или, если надо, миротворцев, гуманитарной помощи. К этим задачам примыкают популяризаторская и просветительская.

Последняя ближе к учебному страноведению, использующему методы и плоды других жанров для лучшего усвоения предмета. Какого? Да разных... Например, лингвострановедению важен язык и – попутно – его среда. Воздействуя и на разум, и на эмоциональную сферу ученика, оно облегчает вживание в иную культуру, бытовую коммуникацию, формирование «языковой личности» [Вережгин, Костомаров, 2014; Караулов, 2018]. Все это тоже требует разносторонности, учета динамики и различий между странами в ареалах таких языков, как английский, немецкий, испанский [Biechele, Padrós, 2013].

Всеядность и не всегда четкие границы жанров порождают сомнения в научности страноведения, особенно описательного. Во многом это искусство, как часто считали не только у нас [Hart, 1983 и др.]. Описания достигали стилистических высот в Германии (А. Гумбольдт, К. Риттер, А. Геттнер), Франции (Э. Реклю, П. Видаль де ла Блаш, Ф. Бродель), России, где немецкая дотошность могла ужиться с французской живостью (Н. Пржевальский, П. и В. Семёновы-Тян-Шанские, И. Витвер). Свои шедевры помнят разные национальные школы. Но с ростом доступности информации и визуальных средств мастерство «живописания словом» не обесценилось до нуля, но изрядно сникло.

Научное страноведение отличается от школьного, справочного и от «страновИдения» по наитию, учитывая открытость сомнениям и дискуссиям, доказательность, развитую методику. Здесь важно сравнение – поиск сходств и различий объектов. По словам американского политического социолога

С.М. Липсета [Lipset, 1993], тот, кто знает лишь одну страну, по сути, не знает ни одной. Вне сравнения даже простые оценки «много–мало» лишены оснований. Как говорил В.В. Вольский, три волоска на голове – мало, а в супе – много, достаточно, чтобы стошнило [Наумов, 2019, с. 66]. Этот метод вырастает в типологический, ведь типология есть сжатый итог перекрестного сравнения многих объектов, и в метод аналогий, хотя совсем одинаковых стран в мире нет и аналогии всегда условны.

Вместе с тем нельзя знать массу стран одинаково глубоко хотя бы из-за языкового барьера (полиглоты редки). Кроме того, расширение их круга чревато уходом в глобалистику и потерей страноведения как такового, что часто происходит в вузовской и академической практике. А знание той или иной глобальной проблемы и проблем конкретной страны – не одно и то же. «Истинный страновед» должен владеть системно-структурным, историко-генетическим, социологическим, текстологическим, картографическим, статистическим и другими методами. В идеале его арсенал широк, как дисциплинарный круг страноведения, что тоже трудно, но всегда плюс, а не минус. И все же чего-то не хватает.

Наука без теории?

Отсутствие единой, пусть и не общепризнанной, теории – один из частых упреков в адрес страноведения. Они звучали из уст самого Баранского, его учеников и соратников. Почему же за 2,5 тысячи лет развития (считая от Гекатея Милетского, жившего в VI–V вв. до н.э.) она не возникла? Или возникала, но отвергалась, размывалась?

Чтобы понять причину, задумаемся снова в суть предыдущего вопроса и требуемого от страноведения охвата

комплекса явлений, их связей в рамках страны. Представители неокантианской Баденской школы В. Виндельбанд, Г. Риккерт и др. (включая М. Вебера, искавшего корни капитализма в этике протестантов) различали два подхода: *номотетический* и *идиографический*. Если позитивисты верили в единую методологию «точных» и гуманитарных наук, то баденцы считали, что вторым нужна ее индивидуализация, т.е. идиографический подход к своеобразным явлениям, их сложным сочетаниям, а не номотетический, как у первых.

Страноведение – пример научных конгломератов, занятых сочетаниями явлений самой разной природы. А как дать их общее толкование, «теорию всего, от геологии до идеологии»? Такие попытки обычно сползают в какой-либо редукционизм и детерминизм, сводя все известное о стране к свойствам ее природы, например климата и размера (у географических детерминистов XVIII в. Ш. Монтескьё, И. Гердера, Ж. Бюффона) либо экономики, политики, культуры (цивилизации). Эти опыты не лишены смысла и время от времени повторяются². Но в чем-то всегда однобоки и ущербны.

Налицо и проблема теории единичного объекта. Возможна ли, скажем, общая теория Земли, особенно без глубоких знаний о других планетах и сравнений с ними? Сомнительны теории отдельно взятой России или КНР, США, Парагвая, Замбии и т.д., хотя они не одиноки в мире и мы немало о них знаем, сравниваем, группируем, типизируем.

Один из методологических постулатов гласит, что конкретный объект создает сочетание общих и особенных свойств. Географию и страноведе-

ние (не только географическое) отличает интерес к особенностям и отличиям. Им близка трактовка стран и районов А. Геттнером, автором хорологической концепции, а в России – Л.С. Бергом как «геоиндивидов», подобных людям со своим нравом, манерами, обликом³. Без «теории человека» вообще, тем более отдельного, в общении и обращении с ним все равно надо понимать, как он живет, чем похож и не похож на прочих, чего от него ждать. Объяснять это можно законами поведения людей в данных условиях, мотивами и логикой объясняющего или, что надежнее, личностью поступающего. Мы предвидим, что он сделает, когда видим именно личность с ее привычками и вкусами, талантами и пороками. А если страны как люди, то это относится и к ним.

Сказанное не значит, что у страноведения вообще нет теорий. Как раз наоборот, их и всяких гипотез, моделей, схем даже слишком много. Это идеи географического детерминизма, теории международного разделения труда и мировой торговли, начиная с «отцов» политической экономии А. Смита, Д. Рикардо, конкурентных преимуществ М. Портера, монополистической конкуренции и множественных равновесий П. Кругмана с соавторами, дисбаланса центров и периферий Х. Зингера, Р. Пребиша, А.Г. Франка и др. Плюс учения о географическом положении, территориальной организации и структуре хозяйства и общества в отечественной географии (Н.Н. Баранский, И.М. Маергойз, Б.С. Хорев, Б.Б. Родоман), сонмы доктрин международной политики и геополитики, цивилизационных, исторических, социальных, демографических концепций.

2 Сравнительно свежий пример – заочная полемика Ф. Хилл и К. Гэдди [Hill, Gaddy, 2003] с А.П. Паршевым [Паршев, 1999] вокруг условий и перспектив развития России, в которой обе стороны выступили, по сути дела, с позиций нового географического детерминизма.

3 Напомним, слово «индивид» восходит к лат. «неделимый».

Любой список неполон. Проблема состоит в слабой увязке идей друг с другом, а то и в их конкуренции. Наука жива спорами и сдвигами, часто вызванными движением самой реальности, которую приходится поэтому периодически переоткрывать. Страноведение применяет и проверяет разные теории в рамках территории страны. Отсюда поиски синтеза на базе географии как знатока территорий разного масштаба. Это признают многие страноведы, включая авторов пособий для изучающих мировую экономику, политику, туризм [Воскресенский, 2014; Козырева, 2012; Сапожникова, 2004].

С территорией и даже только с ее размером есть свои сложности. Это видно на примере самых крупных по площади государств (рис. 1).

Если брать их территорию, удобную для заселения и освоения по природным условиям (без высокогорий и зон

экстремального климата), заселенную фактически (1 чел./км² и более) или используемую в земледелии, то Россия будет уже не 1-й, а 3–5-й. Как и в Китае, у нас исторически заселена часть не лучших для этого земель, что бывает редко. В то же время внутренняя ойкумена гораздо меньше всей территории и в Канаде, и в Австралии, и в других странах. Так, о Египте Н.С. Гумилёв писал: *А ведь знает и коршун бессонный: // Вся страна – это только река, // Окаймленная рамкой зеленой // И другой, золотой, из песка.*

Полимасштабность геопространств требует от страноведения стыковки двух миров, внутреннего и внешнего, что часто отмечал И.М. Маергойз, пытаясь совместить теории территориальных структур и географического положения (см. [Географическое положение, 2012]). По его мнению, для большой страны положение не так важно, как для малой, но

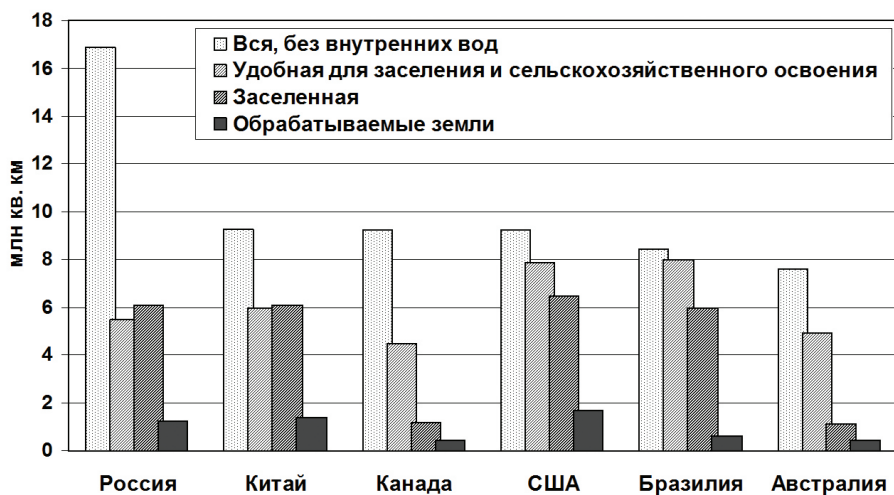

Рисунок 1. Территории наиболее обширных стран с учетом их пригодности для заселения и освоения и фактического использования около 2010 г.

Figure 1. Areas of the largest countries, considering their suitability for settlement and development, and actual use circa 2010.

Источник: составлено автором по различным данным международной статистики.

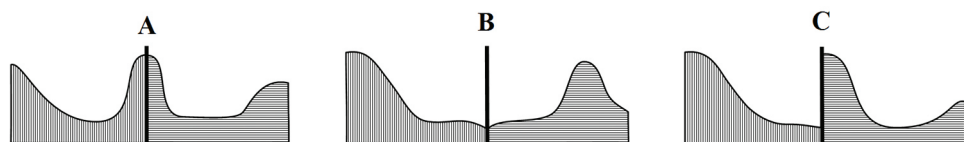

Рисунок 2. Варианты композиции двух соседних стран на продольном разрезе условного рельефа населения (экономической активности): А – симметрично центральное, В – симметрично периферийное, С – асимметричное.

Figure 2. Composition of two adjacent countries shown as a longitudinal section of symbolic population (economic) relief: A – symmetrically central, B – symmetrically peripheral, C – asymmetric.

сильно различается у ее частей, где его анализ надо совмещать с анализом территориальной структуры. Этого автора занимали обращенность смежных стран друг к другу, их как бы встречаемость либо взаимное отчуждение (рис. 2).

Типичное для советской науки внимание к геоположению подверглось позже критике. Л.В. Смирнягин считал, что в развитых странах теперь важнее само место, его среда, роль, имидж [Географическое положение, 2012, с. 421–456]. К тому же общество и природа, создающая территориальный базис страны, полиструктурны, причем структуры не совпадают. Скажем, добавка на рисунке 2 этнических, отраслевых или экологических признаков всю картину может изменить. И что за граница показана жирной вертикальной линией: этническая, политическая, экономическая? Это возвращает нас к вопросу о статусе ключевого объекта страноведения.

Страна или государство?

Сплошь и рядом они звучат как синонимы и в обыденной, и в научной речи. Если речь зашла о государстве, то скоро его наверняка назовут страной. И это привычно, но, строго говоря, некорректно,

как предупреждали БСЭ и БРЭ начиная с 3-го издания 1970-х годов. В индоевропейских языках страна и государство звучат по-разному: *country* и *state*, *pais* и *estado*, *kshur* и *ozlity* (фарси), *desh* и *rajya* (хинди). Вот в Китае, кажется, одинаково: письменно два иероглифа со значениями места, территории и семьи, дома.

Анализ многих определений позволяет выделить их совпадающие и несовпадающие признаки. К первым относится обязательная в обоих случаях территория. Природной стране (озер, вулканов, лемуринов) человек не нужен. Если же это «страна людей», то общих свойств прибавится: само население, его культура, экономика и т.д. Но в отличие от государства страна не стеснена суверенной властью и правом⁴, внешним признанием и выделяется по-разному. «Государствовед» ассоциируется прежде всего с правоведом или политологом. У страноведов спектр, как мы видели, шире.

Даже требования к территории не совсем те же. Ватикан – государство, но как назвать 44 гектара римского холма страной? Русская «страна» родственна пространству, простирающемуся, а в иных языках – земле или загороду. Это более широкое и менее строгое понятие, чем государство. Некоторые дефиниции акцентиру-

⁴ Для государства важно и то и другое. Еще св. Августин считал, что без справедливости (или законности, в ряде языков это одно слово – *justice*) государство неотличимо от шайки разбойников (Блаж. Августин. «О Граде Божием», кн. 4, гл. 4).

ют их соотношение, как версия оксфордских толковых словарей: государство есть страна, понимаемая как организованное политическое сообщество под контролем одной власти [State, 2021]. Почти как в формулах: страна есть географическая форма государства, а государство – политико-юридическая форма страны (автор почерпнул их из текстов А.Ю. Скопина, но не уверен в первоисточнике).

Емкость таких формул относительна и помогает не всегда. Владения, автономии с частичным суверенитетом – страны, но еще не государства? А регионы государств, способные быть странами и не называемые так до поры из политкорректности (даром что «регион» восходит к латинскому *regere* – править)? Была ли одной страной доколониальная и Британская Индия? И. Валлерстайн в работе «Существует ли Индия?» [Wallerstein, 1991] допустил, что если бы в XVIII–XIX вв. англичане заняли только ее север, а французы – юг, то писались бы тома о том, что Хиндустан и Дравидия всегда были разными нациями, культурами и т.д., т.е. странами. Если государство (и административный регион) можно создать быстро, то страну формирует историческая эволюция. Долгая жизнь государ-

ства способствует развитию на его базе единой страны, но не гарантирует: существовавшие веками государства могут рассыпаться словно карточные домики.

Нужно признать, что государства и страны – это нечеткие множества объектов, не совпадающие или совпадающие только частично. Поэтому есть «безгосударственные», вернее, «межгосударственные» страны (Курдистан, Баскония), «многостранные государства» (все гиганты мира, но не только они) и «неполностранные» (как Ватикан). Вместе с тем налицо страны с высокой степенью «странности» (одна буква «н») – выраженности признаков страны (Исландия, Камбоджа).

Упрощая, сведем эти признаки к общностям четырех типов: природно-территориальной, этнокультурной, социально-экономической (уклад жизни и хозяйства, уровень развития) и государственно-правовой. Их совпадение будет свидетельством высокой «странности». Ареал обитания народа со своей историей, культурой, но без политического и хозяйственного единства – признак не вполне достаточный. Если же границы социальных общностей рассекают ареал, то он может быть лишь природным (рис. 3).

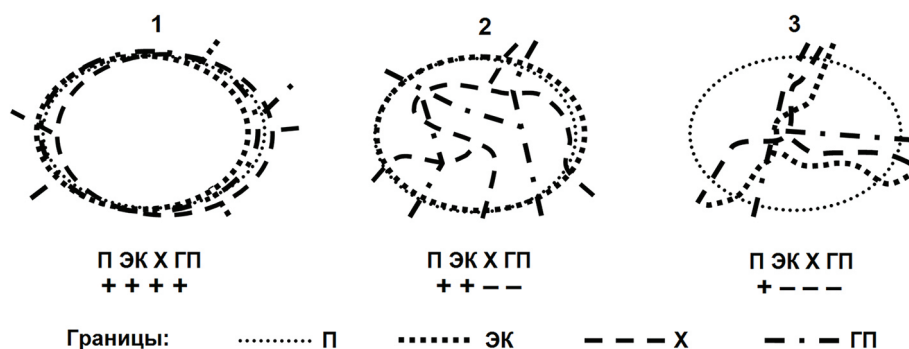

Рисунок 3. Условные примеры стран с сильной (1), средней (2) и слабой (3) комбинацией ее признаков: П – природных, ЭК – этнокультурных, Х – хозяйственных, ГП – государственно-политических.

Figure 3. Hypothetical examples of countries with a strong (1), medium (2), and poor (3) combination of their evidences: П – natural, ЭК – ethnic-cultural, Х – economic, ГП – state-political.

Возможно, автор запутал читателя, но четкого ответа на вопрос об объекте страноведения он не знает. Буквально – это страна. Однако бороться с ее фактическим приравнением к государству, что называется, себе дороже. Язык плохо подчиняется формальной логике, а наука при всем стремлении к понятийно-терминологической строгости несвободна от языковой стихии.

Вырождение или возрождение?

Когда аналитик фиксирует какой-то спад, он должен спросить себя: это необратимый финал или повтор, фаза синусоиды, сулящей новый подъем? Проверка этих гипотез требует расширения временных рамок анализа.

Страноведение знало взлеты и падения, синхронные с общенаучными и не совсем. Европу после античного старта посетил упадок культуры и науки, включая страноведение. За ним – плавный подъем и спурт эпохи Великих географических открытий, формирования мировых рынков: пряностей и др. Капитализм, колониализм, промышленная революция породили «золотой век» географического страноведения. Соседние цивилизации, в частности арабо-исламская, пребывали, скорее, в противофазе.

Кризис наметился во второй половине XX в. Закат всей региональной географии отмечен в англоязычной литературе и университетской практике с 1960-х годов, что отмечают свежие обзоры [Wright, 2015; Regional Geography, 2021]. Зато развернулась региональная наука У. Айзарда с ее ассоциацией, историю которых осветил сам автор [Isard, 2003], а по существу региональная экономика, как ее и назвали потом у нас, опиравшаяся на теоретические модели В. Кристаллера, А. Лёша и др.,

плоды количественной революции и системного анализа. Значит, то был не упадок, а смена дисциплины-лидера.

Классическое страноведение в СССР держалось дольше из-за спроса на «удаленное» знание зарубежья при изоляции от него. Подходы и лозунги испытывали влияние аксиологических, проблемных, эволюционных и других поветрий, но ощущение надлома нарастало. В.А. Шупер писал: «Из благородного стремления к познанию и описанию новых земель возникло научное страноведение, достигшее наивысшего расцвета в XX в. и ушедшее вместе с ним» [Шупер, 2004]. Только странно, что оно расцвело в XX в., когда новых земель уже почти не открывали. Или открывали, когда они менялись? А менялось все: климат и население, политика и культура; взлетали и падали рейтинги стран и регионов, хотя их упрямый характер порой воспроизводил почти одно и то же. Капитальные монографии по отдельным странам стали редкими, но иногда выходят [Сдасюк, 2021 и др.].

За фасадами глобализации и региональной интеграции шло и пока идет дробление политической карты мира: за XX в. количество суверенных государств выросло раза в четыре. Есть еще десятки полузависимых, недопризнанных и «почти государств» вроде Гренландии, весьма автономной от Дании и покинувшей ЕС в 1985 г. (после референдума 1982 г., т.е. задолго до Британии). Поскольку суши на планете практически не прибавилось, средняя площадь одной страны в четыре раза сократилась, а население осталось близким к 30 млн чел. (землянь ведь тоже стало вчетверо больше). Это не константа на все времена, но, приняв ее на будущее, можно по прогнозам мирового населения подсчитать количество государств: до 300 в 2050 г. и 350 в 2100 г. (рис. 4). При прогнозе-максимуме их может стать более 500.

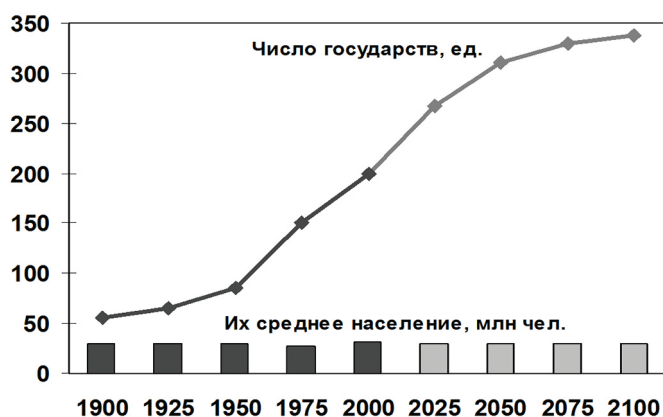

Рисунок 4. Фактическая и возможная динамика количества независимых государств исходя из среднего варианта прогноза мирового населения и средней людности страны, принятой за 30 млн чел.

Figure 4. Actual and possible dynamics of the independent states numbers based on the medium-level projection of the world population and the average country population size equal to 30 million people.

Налицо размножение объектов страноведения и расширение поля ее методов, таких как типологический – испытанное средство «организации» разнообразия в науке. Если на Земле 5000 этносов (цифра условна, но часто встречается), то, реализуя право на самоопределение, они могут увеличить количество государств в 25 раз, снизив их среднюю площадь с 650 до 25 тыс. км², а население – до 2 млн чел., что не устроит существующие державы.

Это противоречие, которое разрешается болезненно, обычно в пользу самоопределения и порой целыми сериями. Одна из них в 1990-е годы имела место в Евразии при распаде СССР, ЧССР, СФРЮ и «кровоточит» до сих пор. Она же вызвала бум такой ветви страноведения, как транзитология, но, как любой бум, ненадолго. По понятным причинам более устойчив подъем синологии (китаеведения). К концу XX в. на Западе обозначился и ренессанс региональной географии, так называемой новой, изучающей процес-

сы перестройки пространства, роль в нем когнитивных факторов, чувства места, территориальной идентичности (Н. Трифт, Д. Грегори, Д. Мэсси, П. Клаваль), и «новой экономической географии» (П. Кругман, М. Фудзита, Э. Венаблс и др.), а по сути – пространственной или геоэкономики.

К исходу XX в. участились заявления о «концах» всего и вся: времени (истории), пространства (расстояния), искусства, науки и т.д. На этом фоне отмирание стран и государств, а с ними страно- и государствоведения в ходе глобализации, как минимум в экономическом смысле, казалось естественным и неизбежным [Ohmae, 1996 и др.]. Но (как в 1897 г. отозвался Марк Твен на свой ошибочный некролог) слухи об их смерти были изрядно преувеличены.

Как видим, круг «региональных» наук, включающих страноведение, не раз «менял кожу», адаптируясь к запросам общества, научной моде. Схематично его эволюцию можно представить так: от описания – к объяснению

и от него – к предсказанию, моделированию. Не впадая в долгую депрессию (что бывало с отдельными видами традиционных продуктов), оно не показывало и крупных прорывных достижений, скорее, пыталось остаться на плаву. И в обозримом будущем трудно ожидать резких галсов в ту или иную сторону. Автор этих строк убежден, что готовить страноведов классически широкого профиля «от геологии до идеологии» по отдельным (хотя бы ключевым) странам нужно. Но как, а главное, для чего или для кого?

Кому и зачем это надо?

Вопрос о том, где и когда требуется страноведение, затрагивался при обсуждении других, начиная со второго – о научности и типах работы в этом русле. Так, сам факт развития рекламного страноведения говорит о его практическом значении. Речь пойдет о прикладном потенциале научного и других страноведений, у которых есть исследовательские разделы.

Начнем с экономики. Маркетологи учат, что освоение новых рынков, особенно зарубежных, требует их глубокого изучения. Учат и на ошибках, связанных с незнанием языка⁵, бизнес-культуры, этикета, вкусов потребителя (так, на севере Европы реклама пищевых товаров должна подчеркивать их экологическую чистоту, пользу для здоровья, а на юге даже детское питание требует указания на вкусовые качества). В рекламе стран, районов, мест для туристов серьезная ошибка – шаблоны и штампы, такие как замеченные на сайтах российских регионов коллегой Н.Ю. Замятиной повторы уверений в том, что край богат грибами, ягодами и талантами – словно их нет у соседей.

А вот инвесторам и политикам важны стандартные гарантии продуктивной и безопасной деятельности.

Любой акт локализации деятельности есть результат встречи ее спроса на ресурсы и условия с предложением со стороны территорий. Страно-, регионо- и местоведение, зная территории и учитывая спрос на их ресурсы самого разного рода, может содействовать учащению его удачных встреч с территориальным предложением. Иными словами, приносить пользу обеим сторонам данного рыночного отношения, их развитию.

Похожая, но более сложная задача возникает при анализе дисбалансов спроса и предложения. Например, по принципу *not in my backyard* (NIMBY), когда население и власти отвергают предлагаемые или уже действующие хозяйственные объекты, не видя в них для себя перспективы и выгоды, либо по ресурсно-экологическим мотивам. *Yes in my backyard* (YIMBY) – позиция противоположная, но ждущие инвестора или спонсора часто выстраиваются в очередь, а дожидаются немногие. Бывает, что старый убыточный объект (кластер) крайне важен стране (району), но не владельцу, что ведет к его ликвидации и территориальной депрессии. Анализ таких коллизий и поиск путей их разрешения тоже относятся к практически значимым задачам рассматриваемой совокупности дисциплин.

Кроме экономического есть другие виды применения страноведческих знаний, их прямые или косвенные заказчики. О политике, праве и т.д. речь уже шла. Вот пример от противоположного: провал вторжений СССР и НАТО в Афганистан. В обоих случаях силовики то ли не спросили страноведов, то ли их не слушали, то ли получали нечестные ответы. А ведь это одна из стран, не покоряемых в принципе, о чем говорят ее

5 Вроде попыток продвижения в России корейской лапши Dosirak (в транскрипции для англоязычных стран, но тут его пришлось менять на «Доширак») или детского питания Bledina от «Данон», в итоге ставшего «Малюткой», как «Жигули» – «Ладой».

история и все свойства, в том числе как театра военных действий. Недаром слово «афган» значит на фарси «безмолвный», а в тюркских языках – «беглый», «скрытный».

Есть такое понятие, как социальный заказ: актуальная и осознанная (в том числе на уровне государства) либо нет потребность общества, важная для его коллективного интеллекта, самореализации и позиционирования среди стран и народов. Именно это имеют в виду, говоря о мировоззренческой роли страноведения. Она связана с идеологией, и эта связь двусторонняя. Отсюда риск потери объективности под прессом лозунгов официальной пропаганды вроде плановости, пропорциональности и гармоничности развития при социализме, якобы страхующем общество от кризисов. В советском анекдоте руководство спрашивало науку, как развиваться дальше, а та отвечала: по плану, гармонично, без кризисов. При изучении враждебных стран установка была иной: там почти все плохо, их опыт нам не подходит. Справедливости ради отметим, что перенос самого удачного опыта на иную почву и впрямь требует осторожности, учета разницы условий. Лучше уж сначала «хозяйке на заметку», чем слепое копирование с неясным результатом.

В понятие «внедрение» входит обмен знаниями между отраслями науки. Поскольку у страноведения неважно с теорией, его обычно рассматривают как полигон, лабораторию для проверки универсальных схем и гипотез на конкретном материале. С другой стороны, лабораторный опыт часто ведет к постановке новых общих задач, разработке новых моделей, включая модели развития. Всегда неравномерное во времени и пространстве, оно опирается на инновационные очаги, откуда исходят его импульсы. Страны, регионы и центры-лаборатории, где эксперименты ставят

сама жизнь, требуют особого внимания наук того круга, о котором идет речь.

Выше упоминалось о дроблении политической карты мира как факторе расширения числа объектов научного страноведения и поля его работы. Но к этому количественному аспекту дело не сводится, все гораздо серьезнее. Б. Миланович, специалист по глобальному неравенству, анализируя его долговременную динамику по доходам, пришел к выводу, что в XIX в. оно на 50% с лишним зависело от принадлежности человека к тому или иному классу общества: разделявшие их пропасти были главными во всех странах [Миланович, 2016]. Отсюда расцвет марксизма и его популярность. А теперь контрасты на 85% определяет средний уровень дохода в стране проживания, и социальные низы в богатых и бедных странах различаются сильнее. Значит, по Милановичу, классовое расслоение уступило место территориальному – международному. Усилением связи доходов с местом жительства при упрощении смен последнего путем миграции Миланович объясняет демографический натиск бедного мира на богатый, ставший острой проблемой. Кто-то не успел получить демографический дивиденд, а у стран со стареющим населением он уже в прошлом, но зато есть общее благополучие, высокие заработки, сильная социальная защита, а заодно синдром осажденной крепости в виде социально-политической платы за них.

Картины мира, где одни процветают, а другие застревают в бедности, достаточно, чтобы признать значение его политической карты, «контейнера» и фактора социальных контрастов. А с ними – страноведения. В его прикладные задачи может входить выявление коридоров стабильности национальных систем – например, между критическими уровнями социального неравенства и экономической эффективности. Вряд ли они

одинаковы для разных стран и народов, а вместе важны для всей мировой системы, для человечества.

Заключение

На шесть вопросов, поставленных и обсужденных настолько подробно, насколько это допустимо в статье, как и ожидалось, не найдено однозначных ответов. Такая утопическая задача и не ставилась, она состояла лишь в том, чтобы в очередной раз подумать о судьбе, текущем состоянии, проблемах и шансах страноведения на выживание и развитие.

Мы поняли, что оно лишено одного «патентованного» международного названия, нередко слитого с широким регионо- и «территориеведением». Его разное понимание и институционализация типичны для России и Германии, с одной стороны, англо- и романоязычных стран – с другой. А организации, где этот круг дисциплин изучается или преподается, ориентированы на ту или иную «отрасль» страноведения. Нет ясности с объектом: страна и государство, строго говоря, не одно и то же, но в живом языке, включая научный, постоянно фигурируют как синонимы. То же самое со структурой, дисциплинарным и тематическим составом, непостоянным и аморфным. Кроме того, знание здесь не всегда научное, что снижает его авторитетность, но зато снабжает обширным спектром практических приложений.

Несмотря на богатые историю, традиции и методы, эта странная наука (там, где она наука) обходится без собственной теории, заимствуя разные из ближних и дальних областей, «от геологии до идеологии». При попытках свести их воедино она часто рискует грубыми упрощениями реальности, не теряя надежды на что-то большее и на модернизацию в духе времени. Погона за изменчивым мейнстримом чревата

для страноведения (не только для него) порывами и шатаниями в поиске новых этикеток, паролей доступа к истине или к модным «измам» и богатым заказчикам. Между тем объективно его статус в науке и обществе вряд ли сильно меняется, хотя этот вывод требует более серьезной науковедческой проверки. На экспертном уровне грядущая судьба страноведения видится далекой от крайностей: она вряд ли будет блестящей, но, можно надеяться, не будет и трагической.

Если не частными сверхприбыльностями, то общесоциальными заказами, как и внутринаучными, страноведение не обделено. Глубокое знание страны было и остается нужным хотя бы для того, чтобы (на любом уровне близости к истине) предвидеть, чего можно или нельзя от нее ждать. Оно имеет дело с конкретными версиями глобальных явлений, процессов, проблем и моделей их решения, выступая в роли испытательной лаборатории для дисциплин с номотетическими установками. Кроме национальных и локальных вариантов всемирных трендов страноведение сталкивается с уникальными или, как минимум, своеобразными феноменами и реакциями на эти тренды. Известно, что повсеместные сдвиги и рецепты в разных и даже близких условиях могут давать неожиданные отклики и противоположные результаты. Это особенно заметно на дезинтеграционных и деглобализационных отрезках мирового развития, неизбежных у волнообразных процессов.

Разнообразие мира, уровней и траекторий развития стран противоречит концу истории (по Ф. Фукуяма), суля новые открытия в старом, как бы давно открытом мире и спрос на страноведение. Повторим еще раз вслед за Марком Твеном: слухи о его смерти преувеличены. Более того, в отличие от отдельного человека оно бессмертно, пока есть Земля и люди, власть и общество, образование и воспитание, наука и практика.

Список литературы

Алаев Э.Б. (1983). Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль.

Баранский Н.Н. (1946). Страноведение и география физическая и экономическая // Известия ВГО. Т. 78. № 1. С. 9–24.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. (2014). Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапипентемы. М.; Берлин: Директ-Медиа.

Вольский В.В. (ред.) (2003). Социально-экономическая география зарубежного мира. М.: Дрофа.

Воскресенский А.Д. (ред.) (2014). Мировое комплексное регионоведение. М.: Магистр ИНФРА-М.

Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза (2012). М.: Новый хронограф.

Горкин А.П. (ред.) (2013). Социально-экономическая география: понятия и термины. Смоленск: Ойкумена.

Караулов Ю.Н. (2018). Русский язык и языковая личность. М.: Ленанд.

Козырева А.М. (2012). Страноведение. Ярославль: ЯрГУ.

Миланович Б. (2016). Глобальное неравенство: от классовой принадлежности к стране проживания, от пролетариев к мигрантам // Экономическая политика. Т. 11. № 1. С. 14–26 // <https://cyberleninka.ru/article/v/globalnoe-neravenstvo-ot-klassovoy-prinadlezhnosti-k-strane-prozhivaniya-ot-proletariet-k-migrantam>, дата обращения 15.10.2021.

Мироненко Н.С. (2001). Страноведение: теория и методы. М.: Аспект-Пресс.

Наумов А.С. (ред.) (2019). Типология зарубежных стран. М.: Пеликан.

Паршев А.П. (1999). Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост-9Д.

Сапожникова Е.Н. (2004). Страноведение: теория и методика туристского изучения стран. М.: Академия.

Сдасюк Г.В. (2021). Новая Индия. География развития: достижения, проблемы, перспективы. М.: Канон + РООИ «Реабилитация».

Шупер В.А. (2004). Памяти Валерия Алексеевича Пуляркина // Научные теории и географическая реальность. IV сократические чтения по географии. М.: Эслан. С. 4–10.

Biechele M., Padrós A. (2013). Didaktik der Landeskunde: Fernstudienangebot DaF (Fernstudieneinheit 31), Stuttgart: Klett Sprachen.

Hart J.F. (1983). The Highest Form of the Geographer's Art // Annals of the Association of American Geographers, vol. 72, no 1, pp. 1–29. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1982.tb01380.x

Hill F., Gaddy C. (2003). The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia out in the Cold, Washington, D.C.: Brookings Institution Press.

Isard W. (2003). History of Regional Science and the Regional Science Association International, Berlin: Springer.

Lipset S.M. (1993). Pacific Divide: American Exceptionalism – Japanese Uniqueness // International Journal of Public Opinion Research, vol. 5, no 2, pp. 121–166. DOI: 10.1093/ijpor/5.2.121

Ohmae K. (1996). The End of the Nation State. The Rise of Regional Economies, London: Harper Collins Publishers.

Regional Geography (2021) // ScienceDirect // <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/regional-geography>, дата обращения 15.10.2021.

State (2021) // Oxford Learner's Dictionaries // https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/state_1?q=state, дата обращения 15.10.2021.

Wallerstein I. (1991). Does India Exist? // Wallerstein I. Unthinking Social Science, Cambridge: Polity Press, pp. 130–134.

Wright J.D. (ed.) (2015). International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, Amsterdam: Elsevier Ltd.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-2

Country Studies: A Team with No Coach? Problems of Composition, Methodology and Development

Andrei I. TREIVISH

DSc in Geography, Chief Researcher

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, 119017,

Staromonetny Lane, 29, Moscow, Russian Federation

E-mail: trene12@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6687-577X

CITATION: Treivish A.I. (2021). Country Studies: A Team with No Coach? Problems of Composition, Methodology and Development. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 6, pp. 26–42 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-2

Received: 13.07.2021.

ABSTRACT. The article raises and discusses six “provocative” questions about country studies in order to review, once more, its headings, facilities and, above all, its problems. The questions are as follows: (1) A discipline lacking its exact name, object and composition? (2) A science or...? (implicitly, not just science); (3) A theory-free science? (4) Country or state? (the question of the key object); (5) Degeneration or regeneration? (the nature of the evolution); and (6) Who and why needs it? (the fields of application). The answers are ambiguous and open to criticism. A finding from the reviewed problems of country studies is that they are numerous and serious. This is a truly interdisciplinary squad composed “from geology to ideology”, lacking a head coach, owner or even an internationally proprietary name, with a goal depending on the type (genre) of activity: research, informational, promotional or educational. Country studies as a science lacks clear understanding of its object, as well as its own theory (simplified reductions excluded), and self-confidence resulting in frequent tacks and re-labellings. At the same time, its role is still great not as an “idio-

grapher” and collector of any country information, but as a laboratory for searching and checking new development trends. The demand for a country scholar in the shape of a social order, not always explicit, is diverse and relatively stable. Hence the diagnosis: the patient is more alive than dead, and unlikely to die in the near future.

KEYWORDS: country studies, regional (area) studies, problems, theories, methodology, typology, development trends, practical significance.

References

Alaev E.B. (1983). *Socio-Economic Geography: Conceptual-Terminologic Dictionary*, Moscow: Mysl' (in Russian).

Baranskiy N.N. (1946). Country Studies and Geography, Physical and Economic. *Izvestiya VGO (Vsesoyuznogo Geograficheskogo Obshchestva)*, vol. 78, no 1, pp. 9–24 (in Russian).

Biechele M., Padrós A. (2013). *Didaktik der Landeskunde: Fernstudienange-*

bot DaF (*Fernstudieneinheit* 31), Stuttgart: Klett Sprachen.

Geographical Position and Territorial Structures: In Memory of I.M. Maergoiz (2012), Moscow: Novyy Khronograf (in Russian).

Gorkin A.P. (ed.) (2013). *Socio-Economic Geography: Concepts and Terms*, Smolensk: Oikumena (in Russian).

Hart J.F. (1983). The Highest Form of the Geographer's Art. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 72, no 1, pp. 1–29. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1982.tb01380.x

Hill F., Gaddy C. (2003). *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia out in the Cold*, Washington, D.C.: Brookings Institution Press.

Isard W. (2003). *History of Regional Science and the Regional Science Association International*, Berlin: Springer.

Karaulov Yu.N. (2018). *Russian Language and Language Identity*, Moscow: Lenand (in Russian).

Kozyreva A.M. (2012). *Country Studies*, Yaroslavl: YarGU (in Russian).

Lipset S.M. (1993). Pacific Divide: American Exceptionalism – Japanese Uniqueness. *International Journal of Public Opinion Research*, vol. 5, no 2, pp. 121–166. DOI: 10.1093/ijpor/5.2.121

Milanović B. (2016). Global Inequality: From Class to Location, From Proletarians to Migrants. *Economic Policy*, vol. 11, no 1, pp. 14–26. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/globalnoe-neravenstvo-ot-klassovoy-prinadlezhnosti-k-strane-prozhivaniya-ot-proletariet-k-migrantam>, accessed 15.10.2021 (in Russian).

Mironenko N.S. (2001). *Country Studies: Theory and Methods*, Moscow: Aspekt-Press (in Russian).

Naumov A.S. (ed.) (2019). *Typology of Foreign Countries*, Moscow: Pelikan (in Russian).

Ohmae K. (1996). *The End of the Nation State. The Rise of Regional Economies*, London: Harper Collins Publishers.

Parshev A.P. (1999). *Why Russia Is not America*, Moscow: Krymskiy most-9D (in Russian).

Regional Geography (2021). *ScienceDirect*. Available at: <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/regional-geography>, accessed 15.10.2021.

Sapozhnikova E.N. (2004). *Country Studies: Theory and Methodology of Tourist Country Research*, Moscow: Akademiya (in Russian).

Sdasyuk G.V. (2021). *New India. Development Geography: Achievements, Problems, Perspectives*, Moscow: Kanon + ROOI «Reabilitatsiya» (in Russian).

Shuper V.A. (2004). In Memory of Valeriy Alekseevich Pulyarkin. *Scientific Reality and Geographical Reality: Fourth Socratic Readings in Geography*, Moscow: Eslan, pp. 4–10 (in Russian).

State (2021). *Oxford Learner's Dictionaries*. Available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/state_1?q=state, accessed 15.10.2021.

Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. (2014). *Language and Culture. Three Linguistic-Cultural Concepts: Lexical Background, Speech-Behavioral Tactics and Sapientem*, Moscow; Berlin: Direkt-Media (in Russian).

Vol'skiy V.V. (ed.) (2003). *Socio-Economic Geography of the Foreign Word*, Moscow: Drofa (in Russian).

Voskresenskiy A.D. (ed.) (2014). *Global Integrated Regional Studies*, Moscow: INFRA-M (in Russian).

Wallerstein I. (1991). Does India Exist? Wallerstein I. *Unthinking Social Science*, Cambridge: Polity Press, pp. 130–134.

Wright J.D. (ed.) (2015). *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, Amsterdam: Elsevier Ltd.